

На третий вечер своего пребывания в Кандине, после насыщенного, полного событий дня, Тан Юйхуэй покорно погрузился в объятия ласковой ночи. Испытав гормональных всплески, помутнение рассудка и слабость во всём теле, он долго лежал на кровати, глядя на звёздное небо, а потом словно что-то предчувствуя, Тан Юйхуэй вошёл в сновидение.

В пространстве сна воздух был спокоен и влажен, как тёплая вода. Степь, которую он видел днём — ясную и чистую — теперь затягивала ржаво-красная дымка, отчего видимость стала очень плохой. Тан Юйхуэй смутно подумал: «Что же это за цвет?» Он словно впитал в себя много света, но был таким грязным, таким тяжёлым — должно быть, он близок к самому солнцу.

Ветер нёсся над степью, а он стоял в центре круга из двенадцати лошадей. Те лениво переступали копытами по траве, но были настроены агрессивно, будто вот-вот растопчут его. Одна из них выделялась безразличием. Пока остальные одиннадцать медленно приближались, она лениво щипала траву, совершенно не заботясь о том, что Тан Юйхуэй вот-вот погибнет под копытами. Казалось, она даже ждала, чтобы это поскорее закончилось. Тан Юйхуэю стало обидно. Он подумал: «Почему ты не подходишь? Разве не хочешь растоптать меня? Ты такая красивая... Хочешь забрать мои останки?»

В итоге, выбрав ту лошадь, что игнорировала его, он медленно подошёл и прижался щекой к её густой гриве. Во сне лошадь опустила голову и лизнула его запястье. У Тан Юйхуэя возникло очень странное чувство: с одной стороны, он чувствовал приближение дрожи и судороги, а с другой — думал: «Ты же лошадь, а не жираф».

Лошадь на спине вынесла Тан Юйхуэя из круга. Остальные одиннадцать остановились и смотрели на них печально и спокойно. Тан Юйхуэй ехал верхом по степи, которая на глазах наливалась красным, пока лошадь не принесла его к длинной лестнице.

День клонился к вечеру, и облака уже окрасились в багрянец. Посреди этого ржавого красного стоял Кан Чжэ и ждал его. На этот раз он не снял Тан Юйхуэя с лошади.

— Поднимайся, — услышал Тан Юйхуэй голос Кан Чжэ.

Он уже понял, что это сон, потому что отчётливо помнил: днём, когда они возвращались, Кан

Чжэ — нарочно или нет — выбрал другую дорогу, и они больше не проходили мимо той длинной лестницы, ведущей в небо. Тан Юйхуэй же, слишком рассеянный, совершенно забыл попросить Кан Чжэ вернуться к тому месту. Значит, Кан Чжэ зовёт его в облака? Это точно сон.

Кан Чжэ погладил лошадь по голове, взял у него поводья, сжал в кулаке и повёл лошадь в поводу. Несмотря на сильный ветер, лошадь уверенно ступала вверх по лестнице. Они долго поднимались, прежде чем приблизились к вершине. Когда оставалось всего несколько ступеней, Кан Чжэ внезапно остановил лошадь и спросил Тан Юйхуэя:

— Ты правда хочешь подняться?

Тан Юйхуэй подумал и очень серьёзно кивнул. Тогда Кан Чжэ отпустил поводья, и лошадь быстро донесла Тан Юйхуэя до вершины. «Как странно, — подумал Тан Юйхуэй, — мы же явно поднимались по склону горы, почему с другой стороны отвесный обрыв?»

Кан Чжэ стоял рядом с ним, и они вместе молча смотрели на дно ущелья, окутанное тьмой.

— Я же говорил, что не пойду, — лицо Кан Чжэ было расплывчатым. — Он опять продал тебе билет.

— Я тебя не вижу, — сказал Тан Юйхуэй. — Здесь всё темнее.

Кан Чжэ ничего не сказал, но его лицо медленно приблизилось. Тан Юйхуэй был верхом, заметно возвышаясь над ним. Кан Чжэ внезапно запрыгнул в седло позади Тан Юйхуэя, прижал его к себе за талию, коснулся носом шеи. Хотя Кан Чжэ не курил, Тан Юйхуэю чудилось, будто исходящий от него запах табака вот-вот пропитает его насквозь, точно ливень.

— Что же это за красный? — глядя на небо, которое всё ярче наливалось цветом, наконец спросил Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ высунул язык и нежно лизнул шею Тан Юйхуэя. Тот, нервно задрожав и беззвучно приоткрыв губы, с изумлением и смятением посмотрел на Кан Чжэ, чей голос с хрипотцой прошелестел, словно порыв ветра, у самого уха Тан Юйхуэя:

— Ты правда не знаешь? Я же тебя учил.

— Земля, — шёпот Кан Чжэ стал невнятным.

Тан Юйхуэй повернул голову и встретился с ним взглядом. В миг, когда они посмотрели друг другу в глаза, фигура на спине лошади стремительно рассыпалась на светящиеся частицы, из которых выпорхнула ярко-красная стрекоза. Она полетела к обрыву, пролетев мимо уха Тан Юйхуэя, и вслед за этим раздался молодой, хриплый голос Кан Чжэ:

— Красная земля.

Бах! — и стрекоза рассыпалась прахом.

— Это охра.

Тан Юйхуэй проснулся весь в поту и, словно на грани смерти, жадно хватал ртом воздух. Рассвет ещё не наступил и Тан Юйхуэй, уставившись в звёздное небо, быстро понял, где он и что происходит. Он прижал тыльную сторону ладони к шее, нащупывая пульс и не произнося ни слова даже в мыслях.

Тан Юйхуэй несколько дней избегал Кан Чжэ. Собственно, это даже избеганием-то было не назвать: Тан Юйхуэй казалось, что Кан Чжэ вообще ничего не заметил. Он обнаружил, что если не проявлять инициативу, Кан Чжэ редко заговаривает сам. Перед тем, как куда-то уйти, он всё же спросил, не хочет ли Тан Юйхуэй составить ему компанию. После первого отказа Кан Чжэ перестал предлагать.

Тан Юйхуэй, с одной стороны, чувствовал облегчение, с другой — с горечью думал: «Терпения Кан Чжэ хватает ровно на один раз, но ведь один всего на единицу больше нуля. Он несколько дней размышлял и всё же набрал номер Кэ Нина. Гудки в трубке звучали в привычном ритме, и Тан Юйхуэй задумался: «Почему, когда я впервые звонил Кан Чжэ, интервалы между гудками были такими длинными? Это не было обманом чувств, они действительно были очень медленными. Но ведь тогда я ещё даже не знал Кан Чжэ».

Это был его второй звонок после приезда в Гарцзе. Ответили очень быстро.

— Алло?.. — голос Кэ Нина был сонным. — Тан-Тан?

— Ты простудился? — сразу спросил Тан Юйхуэй.

— Нет, — на другом конце провода Кэ Нин, кажется, потирал нос. — Вчера засиделся допоздна, вот отсыпался...

— Ясно. Я не разбудил тебя? — Тан Юйхуэй усмехнулся. — Ты так усердно трудишься?

— И это называется усердно? Где уж мне до твоего обычного... — донёсся всё ещё сонный голос Кэ Нина. Он резко замолчал, а затем осторожно и тихо произнёс: — Прости, Тан-Тан.

Думая о Кэ Нине, Тан Юйхуэй всегда находил его невероятно трогательным. Его душевную рану словно лизнул котёнок: быть может, она ещё побаливала, но её уже окутало мягкое, согревающее тепло.

— Ничего страшного, усердие — не самое плохое качество, и уж точно не так ранит, что за это нужно просить прощения, — Тан Юйхуэй улыбнулся. — К тому же, когда это я на тебя злился?

Кэ Нин вздохнул с облегчением и сказал немного бодрее:

— Тан-Тан, тебе вроде полегчало?

Тан Юйхуэй неуверенно ответил:

— Наверное... — Он немного поколебался, но всё же озвучил цель своего звонка: — Кэ Нин, можешь рассказать мне о своей первой любви?

На том конце провода на несколько секунд воцарилась тишина.

— А? — с недоумением спросил Кэ Нин. — Почему именно об этом? — Его голос стал ещё тише, чем когда он извинялся: — Тан-Тан, ты влюбился?

— Наверное...— ответил Тан Юйхуэй.

Кэ Нин медленно произнёс:

— Я думал... тебе будет не до этого... Это кто-то, кого ты встретил в путешествии?

— Угу, но я ещё сам не знаю, не совсем понимаю... — протянул Тан Юйхуэй и добавил: — Я ещё никогда никого не любил.

— Я знаю! Ничего страшного! — тут же откликнулся Кэ Нин. Помолчав немного, он заговорил нежным и мягким голосом: — И что это за человек?

— Сложно сказать, я знаком с ним всего несколько дней. Как-нибудь расскажу подробнее, хорошо?

Кэ Нин промычал в знак согласия и только потом, словно опомнившись, спросил:

— Но почему ты спрашиваешь о моей первой любви? Ты же знаешь, мне нравятся парни...

Снова повисла пауза. Тан Юйхуэй медленно произнёс:

— Я просто хотел сказать... Кажется, мне тоже нравятся парни...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130167>